

УДК 94 (575.2) (04)

**СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ РУССКИХ И АНГЛИЧАН
В ОСВОЕНИИ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОГО РЕГИОНА
В XIX ВЕКЕ**

Е.Г. Гарбузарова – аспирант

For the first time in the XIX century Russia fought for her interests in Central Asia, in spite of the activity and veiled threat of Great Britain. It is her considered methods, patience, and diplomatic skills that allowed Russia to repulse the naval superpower, and consolidated in the Central Asia region, making it an important political, economic and strategic territory.

“Долгом себе почитаю донести, что называемые себя англичанами, шатаясь по степи, собирали между тухменцами, киргизами скопища и передают свои злые замыслы и побуждают к разным неприятностям противу России”.

Подполковник Лихошерстов

XIX в. явился для мирового сообщества, в первую очередь для России и Англии, заключительным этапом в разделе сфер колониальных владений. Эти сферы влияния в XX столетии еще пошатнутся непредопределенными моментами, однако выхода далеко за грани достигнутых территориальных разграничений не произойдет. Средняя Азия примкнет к России, и это станет естественным историческим событием, а Индия до 1947 г. будет находиться в сфере необъятных британских интересов. Однако до того как эти события оставят свой глубокий отпечаток в мировой истории произойдет немало столкновений гегемонистического, политического и экономического характера между ключевыми игроками среднеазиатской головоломки – Англией и Россией. Обе державы, применяя тактические и стратегические методы, попытаются овладеть среднеазиатскими просторами. Попытки найти подходящую модель организации поведения, учитывая исторические особенности своей страны и

тенденции развития общества XIX в., лишь для России обернутся успехом. В то же время Англия не останется на задворках происходящего и как главный организатор разворачивающихся событий попытается изменить ход истории.

В XIX в. Англия активизировала свою политику на Востоке, в частности в Средней Азии. Англичане устремились в этот регион по следам других народов, толкаемые вперед духом предприимчивости и обуявшей в XVI–XVII вв. многие западно-европейские народы страстью к морским открытиям. Под влиянием благоприятно сложившихся обстоятельств первая зародившаяся колония англичан в Индии постепенно расширялась и образовала могущественное государство. Триумф в Крымской войне (1853–1856) ободрил и воодушевил англичан на новую стратегию в Средней Азии по захвату колониальных территорий. Англия уже давно присматривалась к Средней Азии как к региону важному как в геополитическом от-

ношении, так и в геоэкономическом. Овладеть среднеазиатским регионом – означало овладеть сердцем Азии. Более того, Англия со всех сторон пыталась выстроить барьеры для защиты своей жемчужины – Индии и любыми способами захватить сопредельные страны. Но если завоевание Индией и победа в Крымской войне были успешным началом реализации английских целей, то в дальнейшем ситуация сложилась уже не в пользу Альбиона¹. На пути продвижения в глубь Средней Азии англичане встречали сопротивление народов восточных стран, в частности царской России, настойчиво продвигавшейся навстречу английской экспансии. Поражение в Крымской войне заставило Россию активизировать свою политику в Средней Азии и включить этот регион в сферу своего влияния как результат достижения своих естественных границ.

Обе империи использовали в Средней Азии уже опробованные на практике методы по освоению тех или иных территорий, которые, как им казалось, принесут желаемые результаты. Однако в этом регионе дело обстояло совсем иначе. Россия усвоила уроки Кавказской войны и научилась проявлять религиозную терпимость, уважать ценности кочевников, приспосабливаться, пусть и не всегда, к нормам и стереотипам поведения воинственных кочевников. Англия действовала исходя из своих излюбленных методов, отличающихся особой жестокостью, антигуманностью и деспотизмом.

«Осуществляя экспансию, британские колонизаторы искусно придерживались хорошо известного принципа “*divide et impera*” и были органически неспособны уступить кому-либо что-то, даже фактически не принадлежавшее им, не добившись для себя привилегий и не получив значительной компенсации» [1: 16].

Для России XIX в. – это “век кардинальных перемен, век приобщения к достижениям складывающейся в ту эпоху планетарной, общечеловеческой цивилизации. Характер русского народа уже сформировался на основе

¹ На латинском языке “Алба” означает “белый”. Это первое, что римляне увидели, когда достигли южного побережья Англии, то есть белые меловые скалы.

доброты, свободолюбия, способности к высшим духовным формам”. Дух русского народа был пропитан этими ценностями, и если в какой-то момент России и приходилось выходить за рамки сформировавшихся устоев, то, как подчеркивал Н. Бердяев, – “русская душа известна широко своей противоречивой натурой” [2: 44–45].

Проводя экспансионистскую политику в Средней Азии, Россия, наученная опытом освоения чужеродных пространств, в любом случае исходила из более гуманных методов, чем англичане. Она никогда не была заинтересована в возникновении войн и военных конфликтов. Однако в XIX в. существенно пошатнулся устоявшийся мировой порядок, и Англия стремительно предпринимала попытки к резкому возвышению и доминированию на мировой арене. Россия не могла допустить столь стремительного появления Англии вблизи своих границ. Речь шла о безопасности России, и обстоятельства требовали нового подхода к ее обеспечению не только от англичан, но и от кочевников. Вспомнить хотя бы эпоху правления Петра Великого, когда Россия в Средней Азии действует по двум направлениям: по Амударье – с одной стороны, и по Иртышу – с другой; направления эти обусловливались потребностью прикрыть с этой стороны владения России от хищнических набегов полудиких кочевников среднеазиатских степей. Этого оказалось достаточно для того, чтобы англичане вообразили себе, что Россия посягает на Индию. Однако нельзя отрицать такого факта, что в петровскую эпоху, даже немного ранее, в период развития Московского государства, Россию манили среднеазиатские богатства. Примером тому является случай, когда бухарский посланник Мулло Фарух, прибыв в Москву в 1671 г., сообщил, что “у них в Бухарской земле... камня-лалы..., их добывают промышленники, копают в горах и разбивают то камень булатными снастями и в середине находят лалы, иное камень” [3: 91]. Это сообщение о ценных камнях воодушевило московского государя на отправку в Бухару и Хиву посольства под руководством В.А. Даудова (1675 г.), которому было поручено получить в подарок от хана “серебра и камня” [3: 101].

Впоследствии Петр I заинтересовался богатствами Средней Азии, в частности “песоч-

ным золотом”, и организовал специальные экспедиции, первую под началом Бековича-Черкасского. С этого момента интерес русского правительства к среднеазиатским золотым, серебряным месторождениям и драгоценным камням не ослабевает. Англия тоже не упускала момента воспользоваться через афганского эмира среднеазиатскими дарами. Тем не менее, в XIX в. помимо экономических интересов, Россия заботилась о своей безопасности, которая явно была подорвана европейскими державами. В данном случае утверждение М.Д. Скобелева представляется актуальным: “Поступательное движение в Средней Азии было, безусловно, вынужденное, вызванное необходимостью установить какие-нибудь прочные государственные границы. Как неоднократно заявляли наши государственные люди, занятие Туркестанского края, скорее, бременем ложилось на Россию, чем приносило пользу...” [4: 23–24].

Помимо разграблений, которым подвергались русские торговцы со стороны степных кочевников, Россию беспокоила активизировавшаяся деятельность Ост-Индской кампании. “Аппетиты Ост-Индской кампании были настолько велики, что ее хозяева не удовлетворялись ближайшими территориями и предпринимали попытки получить возможность контролировать внутреннюю и внешнюю политику стран, которые были далеки от Индии. Взоры британских колонизаторов обратились на север от Ирана и Афганистана, где на громадных равнинах между Тянь-Шанем и Каспийским морем издавна существовали три среднеазиатских титана – Бухарский эмират, Хивинское и Кокандское ханства. В эти ханства Ост-Индская кампания периодически отправляла своих сотрудников для изучения экономического и политического положения, исследования дорог, определения географических координат наиболее важных пунктов, а также пытаясь склонить правителей этих государств к установлению политических отношений с Англией, предоставлению своих рынков для английских товаров.

Отправляясь часто открыто, а нередко под видом торговцев, дервишей, путешественников, сотрудники Ост-Индской кампании проникали в самые отдаленные уголки и аккурат-

но фиксировали увиденное и услышанное ими. Они хорошо ориентировались на незнакомой территории, зная местные языки и обычаи, и это давало им возможность действовать в течение длительного времени, не обнаруживая себя” [5: 6].

Известно также, что с начала 30-х гг. в Оренбурге обосновалась английская евангелическая миссия под предлогом проповеди христианства среди туземцев, однако никого из них евангелисты в свою веру не обратили, а занимались шпионажем, сношениями с Хивой и Бухарой и возбуждением их против России. Беспокоила Россию и позиция Бухары, которая в 1867 г. предпринимала попытки к созданию большой мусульманской коалиции против России, в состав которой, по мнению бухарских эмиров, должны были войти Коканд, Кашгар, Афганистан и Хива.

Английская разведка в тот период работала на должном уровне, это и понятно, ведь она является старейшей в мире¹. Правильно отмечал историк английской службы: “Мышь не могла выскользнуть из спальни кого-либо, не будучи замеченной кем-либо из соглядатаев господина секретаря Уолсингема” [6: 291–292]. Повсюду, где Англия хотела бы установить свое влияние, она развертывала шпионскую деятельность, занималась тайным сбором информации, подкупом знающих и влиятельных лиц, вербовкой шпионов в стране пребывания.

Если англичане предпочитали апробировать методы шпионской деятельности, то русские опирались на казаческие отряды. А. Тойнби, рассматривая характерные для российской цивилизации особенности освоения новых территорий, подчеркивал особую роль казачества. Казачество явилось своеобразным ответом на вызов со стороны степных кочевых народов. Он отмечает: “В России ответ представлял собой эволюцию нового образа жизни и новой социал-организации, что позволило впервые за всю историю цивилизаций оседлому обществу не просто выстоять в борьбе против евразийских кочевников и даже не просто побить их (как когда-то побил Тимур), но и

¹ В XVI в. возникла английская военная разведка и шпионаж. Ей руководил в то время сэръ Френсис Уолсингем.

достичь действительной победы, завоевав номадические земли, изменив лицо ландшафта и преобразив в конце концов кочевые пастбища в крестьянские поля, а стойбища – в оседлые деревни. Казаки, одержавшие эту беспрецедентную победу, были пограничниками русского православия, противостоящими евразийским кочевникам...” [7: 71].

Англичане исходили из устоявшегося на Западе принципа – усмирение и порабощение “варваров руками варваров”, привлекая на свою сторону сильного противника, делая его слабым. Их попытки нарушить социально-культурные особенности азиатов не увенчались успехом, а наоборот, ожесточали воинственных номадов. Постоянные восстания в Индии являлись прямым доказательством подобных заявлений, что демонстрировало непрочное положение англичан в этом государстве.

В любом случае, прямо или косвенно, но методы освоения среднеазиатского региона англичанами и русскими были пропитаны колониализмом. Однако колониальная политика России сугубо отличалась от политики, которую проводила Англия. Крупнейшие историки С.М. Соловьев и В.О. Ключевский отмечали, что “история России есть история страны, которая колонизируется” [7: 70]. Под колонизацией они понимали освоение новых территорий. Конечно, далеко не все из присоединенных территорий были колонизированы в подлинном смысле, то есть освоены и превращены в органическую часть России. Освоение – гораздо более трудный и сложный процесс, чем простое присоединение. Он требует не только значительных усилий, но и особых механизмов, способных обеспечить не временное, а длительное и устойчивое существование на вновь обретаемых территориях. Более того, было бы несправедливо считать Туркестан, во всяком случае в 1865–1884 гг., колонией.

“Ни центральное правительство, ни законодательство, ни местная власть, ни общественное мнение не рассматривали среднеазиатские территории как российскую колонию. Не говоря уже о том, что между Россией и Туркестаном не существовало тогда необходимого набора связей, которые определяют взаимоотношения метрополии и колонии. Русский Туркестан не был колониальной окраиной госу-

дарства. Это была особая национальная территория, стремившаяся к органичному слиянию с остальной империей” [8: 67].

Географические и исторические особенности России привели ее к созданию обширного государства, в котором окраины и ядро связаны между собой так же крепко и органически, как ветви и ствол одного дерева. Что же касается Англии, то «Индия для них оставалась посторонним “организмом”, не связанным с нею никакими жизненными артериями и чуждым во всех отношениях. В столь интересном деле нельзя не отметить ярко выраженную гениальную предприимчивость англичан и присущую им неукротимую энергию, рядом с ни перед чем не останавливающейся самостоятельностью. Но жажда наживы как основной импульс, толкнувший англичан искать богатства в Индии, является единственной связью между Англией и ее колонией. В этом и заключается глубокое различие русских и английских владений в Азии. Отрезать, например, от Англии всю Индию – значило бы лишить англичан важнейшего рынка для сбыта их товаров; но отрезать, например, от России всю или часть Сибири, – значит, отрезать часть от одного цельного организма» [4: 2–3].

Деятельность России и Англии в Средней Азии сводилась к следующим принципам: в первую очередь – военно-стратегический – для России это попытка выхода к границам сопредельных азиатских государств, для Англии – необходимость обеспечить неприкосновенность Индии и захватить прилегающие территории; военно-политический – соперничество мировых держав в Азии, потребность стратегического планирования и подготовки войск для азиатских театров военных действий, естественно-научное исследование азиатских территорий и народов. Каждая держава избрала свой путь и способы достижения намеченных целей, конечно, не всегда дающие результат и победу, но во многом подрывающие деятельность своего соперника.

Продвижение Англии и России в Средней Азии явилось следствием экономического, социального и политического развития обоих государств и всей капиталистической системы в целом. Капитализм вступал в стадию империализма, когда борьба за раздел мира, а затем

и за передел уже поделенного мира становилась его сущностью. По существу, как утверждают советские исследователи данной проблемы, обе страны преследовали в Средней Азии агрессивные цели, политика обеих держав была направлена на закабаление и угнетение местных народов. Однако с этим нельзя согласиться, так как сегодняшние источники подтверждают, что какие бы цели ни преследовали русские представители, они сумели обеспечить себе поддержку местного населения, добиться симпатии со стороны азиатских кочевников. В то же время расовые предрассудки англичан, укоренившееся в них презрение к народам Азии исключали даже подобное гуманное отношение к азиатским народам, хотя бы из тактических соображений. Англичане считали, что проще и дешевле подкупать предателей, плести интриги, устраивать заговоры, чем отступить от своих предрассудков. Англичане действовали поистине безжалостно и беспринципно, вспомнить хотя бы захват Кабула в 1879 г., который английские войска предали разрушению и огню, подвергли массовым репрессиям жителей.

Русские проявляли снисходительность по отношению к своим врагам. “Взяв Геок-Тепе (1881 г.) после ожесточенной двухнедельной битвы, они не думали о мщении. Вскоре была объявлена амнистия всем воевавшим против русских войск. Туркменским семьям, возвращавшимся в Геок-Тепе, выдавали из запасов хлеб, одежду, необходимые хозяйственные принадлежности, оказывали медицинскую помощь” [1: 48]. Известно, что русские совершенно сознательно ставили перед собой цель ассимиляции окраин: “Русское правительство, – писалось в то время применительно к Средней Азии, – должно всегда стремиться к ассимилированию туземного населения к русской народности”, то есть “...образовать и развить [мусульман] в видах правительства для них чуждого, с которым они неизбежно, силой исторических обстоятельств должны примириться и сжиться навсегда” [9].

Все это доказывает, что Россия действовала в Средней Азии из гуманных, человеческих принципов, однако, безусловно, с уверенностью можно отметить, что это была одна из ее стратегий в завоевании данного региона. Россия решила предстать на этой загадочной и полной таинств территории в совершенно ином, более мягком, образе, при этом зная, что она должна исходить из принципов монархии, но с этическим добавлением. Продуманная и поступательная политика России и в то же время резкая и необоснованная политика Англии способствовали занятию Россией Туркменского оазиса 1881 г. и, по сути, поражению Англии. Но это поражение еще не поставило точку в среднеазиатской политике англичан. С новой силой они возобновили свои действия после Октябрьской революции. Именно в тот период, когда Российская держава ослабла, переживая потрясения и перевороты, Англия, воспользовавшись этим, попыталась вернуть ситуацию в свою пользу.

Литература

1. *Харюков Л.Н.* Англо-русское соперничество в Центральной Азии и исмаилизм. – М.: Изд-во МГУ, 1995.
2. *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX – нач. XX века. – М., 1990.
3. *Юлдашев М.Ю.* К истории торговых и посольских связей Средней Азии с Россией в XVI–XVII вв. – Ташкент, 1964. – С. 91.
4. *Грулев М.* Россия и Англия в Средней Азии. – СПб., 1909.
5. *Халфин Н.А.* Британская агрессия в Среднюю Азию. – М., 1961.
6. *Попов В.И.* Советник королевы – суперагент Кремля. – М., 1995.
7. *Шаповалов В.Ф.* Истоки и смысл Российской цивилизации. – М., 2003.
8. *Васильев Д.В.* Организация и функционирование главного управления в Туркестанском генерал-губернаторстве (1865–1884 гг.) // Вестник МГУ. – Сер. 8. – История. – 1999. – №3.
9. *Walter G. Moss: A History of Russia (Volume II: since 1855).*